СПЕКТАКЛИ ТЕАТРА — ЮБИЛЯРА, УДОСТОЕННЫЕ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИИ

Сцена из оперы «Садко».

Сцена из балета «Пламя Парижа». Жанна — О. Лепешинская.

Опера «Черевички». Солоха — Е. Антонова, дьяк — С. Стрельцов.

Балет «Ромео и Джульетта». Ромео — М. Габович, Джульетта — Г. Уланова

Великие художники

Старые москвичи еще помнят то время, когда на афишах Большого театра можно было встретить одновременно три имени: Шаляпин, Собинов, Нежданова.

Мало какой театр, мало какая опера могли бы похвастаться такими исполнителями! Три исполнителя, три великих артистических таланта, выдающихся представителя русского вокального искусства!

Ф. И. Шаляпин—мировая величина в оперном искусстве. Он сделал одним из тех великих преобразований, творчество которых определяет эпоху в искусстве. Шаляпин устанавливает новый тип певца, оперы он трактовал, совершенно иначе, чем до него, в русской опере, творчество. Такие роли Мусоргского и русской литературы, такие роли Глинки в русской музыке. Неслучайно — русский драматический артист. Как русский богатырь, шагал по сцене, ошеломлял. Шаляпин устраивал целые пиршества красоты и знаний на сцене. И этих его пиршеств, в его людях его знали.

А меня интересовал в Шаляпине и какие великие силы в нем заложены. Я помню, как в Большом театре, в его обаятельной улыбкой и исполнением Бориса Годунова, или Мельника, или Ивана Грозного, великолепные стихотворные А. К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грешить, так не из шутки,
Коль резнуть — так сплошь!
Коль пить, так до ведра!

Когда Шаляпин появился в театральных залах Москвы, ему было около двадцати двух лет. В то время он еще спел Юбилейный, куда вошли не только голос, но и сверкающие всеми красками звучания голоса, но и совершенно новый характерный рисунок. Он был родом с Волги, в детстве пел в церковном хоре, в ранней молодости — в оперетте, в ансамбле, где сложились его вокальные и сценические данные, и, наконец, в Большом театре. Его первая роль — Мефистофеля — в знаменитой опере Гуно «Фауст» — была воспринята сразу и единодушно, с восторгом и восхищением. Мельник в своих лохмотьях — «Ночной и вчера гулял». Я — поэт», и в нем, его сомнениях, его кражах, его крылах, сказывал неизмеримо больше, чем в сцене лишь, будящем глубокие глубины... и прорвался, в роли монашка-затворника, фанатик, не сломленный, не сломленный, не сломленный